

Раулю Мир-Хайдарову – 80

123

Рауль Мир-Хайдаров по профессии строитель, по призванию и главной жизнедеятельности – писатель. Он автор пяти десятков книг, вышедших в издательствах «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература», «Таткнигоиздат» и др. Его проза печаталась во многих журналах, в том числе

в «Казанском альманахе». Рауль Мирсаидович – наш постоянный автор. В альманахе увидели свет отрывки из его романов и повестей, но наиболее он представлен у нас статьями о литературе и литераторах. От всей души поздравляем юбиляра и предлагаем читателю два его произведения в литературоведческом жанре

Рауль Мир-Хайдаров

В тот вечер он был королём поэтов

эссе

В НАЧАЛЕ своих воспоминаний, когда знакомил вас с Малеевкой, упомянул я и поэта Сергея Поликарпова и обещал вернуться к нему непременно. Человек трудной судьбы, мощного дарования, у которого имелись все основания быть в первом ряду советских поэтов, он заслуживает отдельного разговора.

Впервые я приехал в Малеевку зимой 1975 года и попал за стол, за которым сидели Сергей Поликарпов, Павло Мовчан, а четвёртого не помню, он постоянно отбывал в Москву по каким-то не совсем литературным делам. Сергею Ивановичу было уже без малого под пятьдесят, он имел хриплый голос, не по годам седой, крепкий, коренастый, бывший офицер, в зрелом возрасте закончивший Литинститут. Войну он встретил 11-летним мальчиком, видел позор отступления, выжил в оккупации и познал радость Победы. В годы оккупации он потерял много родных, друзей. Война оставила у мальчика в душе след, наверное, даже глубже, чем у фронтовиков. Я приведу потом одно его стихотворение, лучшее из миллионов, посвящённых военному детству.

Жил он всегда в четвёртом флигеле, на втором этаже, нигде не служил, вёл жизнь профессионального писателя, много переводил, его знали на Кавказе, особенно в Азербайджане. Ещё штрих – он был «жаворонком», просыпался в четыре утра, на завтрак приходил, уже поработав, и всегда подтрунивал над теми, кто просыпался поздно. В шутку

*Но брезжил над нами
Какой-то божественный свет,
Какое-то лёгкое пламя,
Которому имени нет.*

Георгий Адамович

уверял, что настоящие стихи рождаются на рассвете, на зорьке, в тишине. В день нашего знакомства я подарил ему свою первую тоненькую книжку «Полустанок Самсона», которую он прочитал в тот же день, потому что на утро сказал мне потеплевшим голосом: «У нас много общего в биографии, нас обоих крепко опалила и обездолила война. Хорошо, что ты это помнишь».

Сергей Иванович взял меня под личную опеку, повёл в библиотеку, представил хозяйке зала, показал нашу медсанчасть, объяснил порядки, привычки, традиции Дома творчества. Конечно, он знал всех, и его знали, он всегда знакомил меня с близкими ему по духу людьми. Познакомил меня и с Ларисой Васильевой, с которой дружил с Литературного института, вот она понимала мощь таланта своего сокурсника и всегда, до конца жизни, помогала ему, ей первой он показывал новые стихи. Хорошо помню его семью, жена и взрослая дочь-студентка приезжали к нему каждое воскресенье, в этот день он ходил с ними в лес на лыжах, тылы у него были надёжные.

Начиная с 60-х годов хрущёвской оттепели, в московской писательской среде шли постоянные серьёзные стычки между литературными группировками. В разное время по-разному назывались эти два сообщества: «левыми» и «правыми», «почвенниками» и «западниками», позже, к закату СССР, эти же группы уже назывались «патриотами» и «демократами». Разумеется, Сергей

Поликарпов по убеждениям, литературным задачам и целям был ближе к «почвенникам».

Такое резкое разделение писателей существовало только в Москве и Питере, хотя оно медленно, но упорно двигалось в столицы республик, но на местах руководство резко пресекало любую групповщину и искореняло неформальное лидерство, там всё решалось в правлениях Союза писателей. Мне кажется, что в Москве и Ленинграде кто-то очень властный подогревал и тех и других. Писатели из республик, приезжавшие в Москву по издательским делам и в подмосковные Дома творчества, всегда попадали в нелепое положение, приглашая на застолье коллег из противоположных группировок, не говоря уж о более серьёзных ситуациях, которых было немало.

Хочу сказать, что «правые» отличались сплочённостью и редко отдавали своих на растерзание, будь то критикам или властям, никогда не оставляли на поле боя «раненых». Отношения между собой у «правых» были, уж точно, более человеческими. Случались и у них разногласия внутри, но они старались не выносить сор из избы.

У «левых» бои между собой никогда не прекращались, вся их история – перманентная борьба, скандалы у них становились достоянием общественности и разрывом личных отношений на десятилетия. «Левые» в пылу страстей не жалели ни своих, ни чужих, где уж тут выносить с поля боя «раненых», я мог бы припомнить десятки таких случаев, но, думаю, и примера судьбы Сергея Поликарпова достаточно.

Не могу не вспомнить случай на VI Всесоюзном съезде молодых писателей в марте 1975 года, где я был участником в семинаре Николая Елисеевича Шундика. В день торжественного открытия съезда, после приветственного слова председателя Союза писателей Георгия Маркова, слово для доклада было предоставлено Михаилу Луконину, поэту-фронтовику, очень популярному и авторитетному в литературной среде

человеку, секретарю правления СП. Я видел его впервые: рослый, смуглый, уверенный в себе поэт, в зелёном кожаном пиджаке, кожа тогда только входила в моду.

Мы, участники съезда, заполнившие концертный зал гостиницы «Юность», принадлежавшей ЦК ВЛКСМ, ожидали, что он обратится к нам, молодым, с напутственным словом или будет говорить о поэзии, поэтах, на кого надо равняться. Но всё выступление Луконина оказалось адресовано одному-единственному человеку, находившемуся в зале, с которым я сидел почти рядом, на расстоянии протянутой руки – Евгению Евтушенко. Евтушенко сидел спокойно, ни один мускул не дрогнул на его лице, только заметно побледнел, особенно это было видно на фоне его вишнёвого цвета пиджака.

Суть 20-минутного доклада сводилась к тому, что Евтушенко написал предисловие к новой книге поэта-фронтовика Александра Межирова, того самого, который в войну создал стихотворение, вошедшее в историю, – «Коммунисты, вперёд!» Тональность текста Евтушенко, его оценочные моменты творчества поэта не нравились Луконину, предъявил он и другие серьёзные претензии. Сквозь всё выступление Луконина рефреном звучало: «Межирова мы вам не отдадим, не отдадим вам Межирова...»

Вот тогда, ещё не вступив в СП, я понял, что попал на поле битвы между «почвенниками» и «западниками», но должен честно признаться – мне в ту пору были интересны и те и другие. Кстати, книжка Межирова с предисловием, вызвавшим гнев Луконина, у меня уже была, поэзией я увлёкся с юных лет ещё в Актюбинске, хотя сам не зарифмовал и двух строк. Предисловие Евгения Евтушенко мне тоже нравилось, прочитав его после выступления Луконина, я не нашёл в нём крамолы. Могу утверждать: блистательный текст! Я завидовал позже тем писателям и поэтам, к книгам которых Евтушенко писал предисловия или послесловия.

Таких глубоких знатоков поэзии и ли-

тературы в целом, на мой взгляд, единицы, могу поставить рядом с Евгением Евтушенко только его тезку Витковского. Оба они оставили серьёзнейшие поэтические антологии XX века с глубочайшими комментариями. Большинство поэтов XX века останется в памяти потомков только благодаря тому, что они попали в эти антологии. Жаль, что нет такого исследования о прозе.

С Александром Петровичем Межировым я познакомился в Коктебеле, в 1989 году на отдыхе, он прочитал мой роман «Пешие прогулки», и мы с ним часто общались. Рассказал я ему и о выступлении Луконина на съезде молодых писателей. Об этом он, конечно, знал. На какой-то мой уточняющий вопрос о том давнем выступлении Луконина Александр Петрович ответил, рассмеявшись: «Литературная жизнь, дорогой Рауль, это айсберг, и послесловие к моей книжке стало лишь поводом, чтобы предъявить Жене столь серьёзные претензии с высокой трибуны». Много лет спустя я узнал, что Александр Петрович – бывший тесть моего замечательного друга, поэта и прозаика, моего биографа академика Сергея Алиханова. Пути Господни неисповедимы.

Но вернёмся в Малеевку, к Сергею Поликарпову. Я быстро обживался в Доме творчества, появились новые знакомства, меня приглашали на вечеринки, и я сам приглашал гостей. Из Ташкента не приезжают с пустыми руками. Однажды, после завтрака, когда я выписывал свою обязательную норму – четыре машинописные странички в день, ко мне постучали. На пороге стоял директор Дома творчества В. Худяков, строгий мужчина, полковник в отставке, из органов, я с ним не был знаком, да и необходимости не возникало. Визит меня, конечно, удивил, хотя за собой я никаких провинностей не ощущал. Худяков, заметивший мою растерянность, сказал:

– Я к вам на минуту, я по поводу Сергея Ивановича. Вижу, вы с ним сдружились.

От такого сообщения я растерялся

ещё больше, но гость умело разрядил обстановку, продолжив:

– Вы человек новый, впервые в Малеевке и всего можете не знать, поэтому я зашёл к вам попросить, чтобы вы ни в коем случае не предлагали Сергею Ивановичу выпить, я знаю, южане – хлебосольные люди, любят застолья.

– Почему? – вырвалось у меня.

Погрустнев, Худяков ответил:

– Сергей Иванович – большой русский поэт, но у него есть одна непоправимая беда, что-то гложет его изнутри, и он крепко пьёт. У него случаются тяжёлые запои и на две, и на три недели, и выбирается он из них очень тяжело. Поэтому, пожалуйста, будьте внимательны к нему, не наливайте, если он зайдёт к вам выпившим. – С тем гость и откланялся.

Сейчас, запоздало, понимаю, какие заботливые люди оберегали покой писателей, сегодняшнему начальству такое и в голову не придёт. Я стал внимательнее относиться к Сергею Ивановичу, никогда не говорил: а вот вчера мы хорошо посидели. Не покупал в его присутствии спиртное в баре, понял, как зорок, наблюдателен полковник в отставке, и не забывал его слова: «Сергея Ивановича что-то гложет изнутри, не даёт ему покоя». Несколько раз он заходил ко мне, мы пили чай, говорили о разном, я пытался разговорить его, но он тайну свою прятал глубоко. Моя первая зима в Малеевке закончилась быстро, я пробыл 24 дня и улетел в Ташкент, в ту пору я ещё продолжал работать в «Спецмонтаже». Сергей Иванович остался на второй срок до середины марта, я радовался, что срыва, о котором меня предупреждал Худяков, не случилось.

Вновь встретились мы с Сергеем Поликарповым уже следующей зимой. Все места за столом Сергея Ивановича оказались заняты, и меня подсадили за стол к Григорию Яковлевичу Бакланову, с которым позже тоже завяжутся добрые отношения до конца его дней.

Однажды, после обеда, когда Дом творчества замер на тихий час, ко мне

вдруг зашёл Сергей Иванович. Визит был неожиданным – он готовил к сдаче книгу в «Советском писателе», которая выходила вне плана, и дорожил каждой минутой. Я сразу вспомнил полковника Худякова и понял, что тот час для меня настал. Обычно деликатнейший человек, Сергей Иванович без обиняков сразу потребовал: «Налей чего-нибудь выпить, душа горит». Я ответил, что вчера у меня были гости, и все запасы кончились. Чтобы подольше удержать его, я включил чайник и сказал: «Схожу-ка я к Мусе Гали, у него вчера была бутылка». Вернулся я минут через 20, Сергей Иванович, кажется, задремал на моём диване, чему я очень обрадовался. Но как только я двинулся выключить закипевший чайник, скрипнула половица, и он пьяным голосом требовательно спросил: «Принёс?»

Я соврал, что ни у Мусы Гали, ни у Вити Гофмана, ни у татар, ни у башкир, ни у Роллана Сейсенбаева, моего земляка, спиртного, как назло, не нашлось. И предложил выпить чаю с башкирским мёдом, который привёз мне в подарок Муштай Карим. При упоминании имени поэта, с которым Сергей Иванович был накоротке, гость неожиданно успокоился и сказал – чай так чай, давай наливай. В общем, я задержал его надолго. В тот вьюжный, метельный день, в сумерках мне открылась тайна, мучившая моего друга и покровителя Сергея Ивановича Поликарпова. Случаются в жизни такие ситуации, от которых ни время, ни удача не печат, ничто не может вернуть украденную победу, восполнить упущенную удачу, повернуть вспять предназначенную судьбу.

Рассказывал Сергей Иванович свою неизбывную печаль и обиду часа два. Упомянул он многие известные имена поэтов, которые тогда, как и он, только вступали в литературу.

Мне, наверное, надо было сразу после ухода Сергея Ивановича сделать какие-то наброски в дневнике, который в ту пору я вёл, записать хотя бы фамилии поэтов и чиновников от литературы, отметить имена режиссёров и операто-

ров кино, причастных к этой истории, но что-то помешало мне это сделать. Жаль, очень жаль. Сегодня, сохранись записи исповеди Сергея Ивановича, они могли бы послужить литературе и читателям документом времени, эпохи, показать, какие есть пути восхождения на Олимп, как одних мастерски возводят на пьедестал, а других просто не замечают, даже поэтов ярчайшего дарования, каким был уже в начале пути Сергей Поликарпов. И мне придётся, дорогой читатель, изложить по памяти исповедь поэта тем далёким зимним вечером в Малеевке.

В 60-е годы XX века не только футбол увидел невиданный взлёт, но и поэзия собирала футбольные стадионы, тиражи поэзии равнялись тиражам прозы. Вдумайтесь, оцените – тиражи поэм Евгения Евтушенко про нейтронную бомбу и Братскую ГЭС были от трёхсот тысяч до полумиллиона экземпляров, поэмы бесконечно переходили из книги в книгу, и всё расходилось, раскупалось! Сегодня о вечерах в Политехническом институте слагаются легенды, складываются мифы.

История первого большого поэтического вечера в Политехническом в начале 60-х такова. Кинорежиссёр Марлен Хуциев снимал фильм «Застава Ильича», позже он отмахнётся от Ильича в названии, благодаря которому, скорее всего, и попал в план. Далёко видел, и позже назвал этот же фильм более нейтрально: «Мне двадцать лет». Для этого фильма ему понадобилась документальная хроника поэтических вечеров с участием молодых поэтов. Выбор для съёмок пал на Политехнический, где и раньше проводились творческие вечера поэтов, но не таких масштабов, какими раньше видел их режиссёр. Оттого-то Марлен Хуциев и снимал эту массовку три дня подряд. Слух о поэтических вечерах разошёлся по Москве до начала съёмок, а уж после первого дня о них знала вся литературная и студенческая Москва, вход был свободный. Наплыв любителей поэзии, желавших сняться в кино, оказался столь велик, что на вто-

рой и третий день МВД вынуждено было подтянуть к Политехническому конную милицию.

Сергей Иванович назвал мне абсолютно всех участников тех легендарных поэтических вечеров, многие имена, к сожалению, забылись, растворились во времени, поэтому я сознательно упомяну только тех, кто невероятно поднялся, да что поднялся – взлетел в небеса после тех вечеров.

Перечислю их поимённо: Вознесенский, Рождественский, Евтушенко, Окуджава, Ахмадулина, Казакова... Они все, кроме Окуджавы, были молоды, ровесники Сергея Поликарпова. Имена этих, безусловно талантливых людей уже были на слуху, но знаменитыми они стали после тех вечеров в хрущёвскую оттепель, особенно после выхода фильма. Их узнала вся страна. Фильм постоянно находился в прокате, потом на десятилетия переключился на телевидение, успех фильма обеспечила именно документальная вставка о поэтических вечерах. Помню, многие далёкие от литературы люди думали, что такие ажиотажные поэтические вечера происходят сами по себе ежегодно. Но вернёмся на сам вечер, а точнее – вечера. Почти всех встречали доброжелательно, никого не освистывали, случается ведь и освистывают на поэтических вечерах. Успех выпал каждому из перечисленных мною поэтов, их хорошо принимали, громко аплодировали.

Настал черёд и нашего героя. Он был молод, заканчивал Литинститут, несмотря на крепко сбитую фигуру, выглядел стройным, как гимнаст, в армии он успешно занимался этим видом спорта. Русоволосый, волевое лицо с глубоким шрамом на губе, как у гладиатора, и мощным, почти оперным баритоном. Хрипота у него появится позже, однажды он серьёзно застудит горло и чуть не потеряет голос вовсе.

Прочитав два первых стихотворения, он сделал, как актёры-трагики, паузу – решил проверить зал, как он воспримет столь дерзкие стихи у незнакомого поэта. Сергей Поликарпов

уже имел опыт выступлений в больших аудиториях, знал цену себе и своим стихам.

* * *

Деревня пьёт напропалую –
Всё до последнего кола,
Как будто бы тоску былую
Россия снова обрела.

Первач течёт по трубам потным,
Стоят над банями дымки...
– Сгорайте в зелье приворотном,
скупые страдные деньки!

Зови, насаживаясь, в поле,
Тоскуй по закроам зерно.
Мы все досужны поневоле,
Мы все осуждены давно.

Своей бедою неизбытной –
Крестьянской жилой дармовой.
Нам и в ответе также сытно
За рослой стражною стеной...

Под Первомай, под аллилуйя
И просто, в святцы не смотря,
Россия пьёт напропалую,
Аж навзничь падает заря!..

* * *

Едва над входом гробовым
Вчерашнего всея владыки
Рассеется кадильниц дым
И плакальщиц замолкнут клики,
Как восприемлющие власть,
Как будто бы кутьёй медовой,
Обносят милостями всласть
Круг приживальщицкий дворцовый,
А прочим –
Вторят старый сказ,
Что бедам прошлым не вернуться...
Меняется иконостас,
А гимны прежние поются.

Зал застыл в гробовом молчании, переваривая немислимые откровения, убежденность поэта и вдруг, словно взрыв мощной бомбы, взорвался аплодисментами. Кричали: «Молодец! Ещё, ещё! Bravo!» И он, шагнув к краю сцены, читал и читал, а его всё не хотели отпустить. Помощники режиссёра шипели сзади: хватит, хватит. Но Сергей понимал, что это его звёздный час, он далеко обставил всех поэтов, уже упивавшихся своим успехом, оттого и не обращал внимания на окрики киношников.

Читал он одним из последних в тот вечер, видел и понимал разницу, как

принимали его и других. Да, аплодировали многим, но взрыв аплодисментов, шквал одобряющих выкриков достался в таком объёме и мощи только ему. В этот день он раздал сотню автографов, толпа поклонников провожала его до метро как знаменитого оперного тенора, наподобие Козловского и Лемешева.

Надеюсь, вы понимаете, как Сергей ждал выхода фильма, с ним студент связывал большие надежды, был уверен, что перед ним откроются двери издательств, заметят в СП, газетах, журналах, на радио. Литинститут гудел, признавая его победу. Выступления поэтов в Политехническом кто-то назвал турниром, где определяют короля поэтов. И вспоминали Игоря Северянина, избранного в узком кругу таким королём. Но шутивное определение у Северянина осталось не только на всю жизнь, оно вошло и в историю. Литинститутовцы, бывшие на тех вечерах, так и трактовали успех своего коллеги.

Фильм вышел. Но принёс для Сергея жестокое разочарование, в фильме не было ни одного кадра с ним, ни одного. Более того, снятый крупным планом зал во время его долгого выступления, тот взрыв аплодисментов, рёв приветствий, обращений к нему примонтировали к совсем другим поэтам, список я уже называл.

Разве можно забыть такую подлость? Как пережить, когда твою победу украли и по кускам раздали другим? Он-то хорошо помнит зал, помнит лица знакомых и друзей, их восторг и благодарность, их восхищение адресовалось только ему, студенту Поликарпову, мальчишке, уцелевшему в оккупации.

Турнир, если так назвать выступления поэтов, Поликарпов выиграл у всех в честном соревновании, и тому свидетелем стал весь восхищённый зал, который аплодировал ему стоя, когда он покидал сцену. Об этом историческом выступлении поэтов помнят до сих пор, но мало кто знает правду. Уже пятьдесят лет удачливые поэты, чья карьера, успех состоялись, отчасти благодаря тому выступлению в Политехническом,

написали сотни статей, воспоминаний, многократно выступали на телевидении и в публичных местах, но никто из них не признал, что результаты того открытого соревнования поэтов перевёрнуты в фильме с ног на голову, победитель остался вне истории, и они ни разу нигде не упомянули Сергея Поликарпова. А ведь он жил рядом, писал по-прежнему достойные стихи. Предлагаю вашему вниманию стихотворение о военном детстве, которое я уже анонсировал.

Детство

Меня давно зовут мальчишки дядей.
А может, мне сейчас всего нужней,
Ни на кого с опаскою не глядя,
Водить на свисте в небе голубей.

А может, мне нужней, рубаху скинув,
Прямой, как гвоздь,
забить в ворота мяч
И, оседлав лихую хворостину,
По мураве витой пуститься вскачь.

И дать в галопе сердцу разгореться,
Чтоб встречный ветер память
взворошил...

Страна незабываемая, детство,
Я никогда в ней, сказочной, не жил.

Житейскими заботами навьючен,
Её прошёл я наскоро и зло.
Позёмкой переменчивой и жгучей
Следы мои на тропях замело.

Плывут в куге с забытых лодок вёсла.
На луг мальчишки выкатили мяч...
А я такой непоправимо взрослый,
Такой средь них непоправимо взрослый,
Хоть плачь...

Многих из небожителей, которых я упоминал, часто называли совестью и честью эпохи, страны за то, что они грудью вставали за достойных в литературе. Может, и стояли, но ни один из них не признал, что они утаили и присвоили победу Сергея, вплоть до предназначенных только ему аплодисментов. Не вмешались в монтаж фильма Марлена Хуциева, не закрыли фильм до выхода на широкий экран, хотя видели его в закрытом показе в Доме кино, опять же, для избранных, куда Сергей не смог попасть. Наверное, можно чуть-чуть снисходительнее отнестись лишь к Андрею

Вознесенскому. Я видел у Сергея подаренную им книгу с теплейшими словами и признанием его огромного таланта. Хотя, на мой взгляд, можно было тут же, запоздало, повиниться перед ним, но чего не было, того не было.

Сергей, при своем богатырском здоровье, прожил недолгую жизнь, и она вся была отдана поэзии. Однажды летом, в начале 80-х, я встретил его на улице Горького, куда-то он спешил с очень счастливым лицом, таким я не видел его никогда. Я окликнул его. Мы обнялись, и он радостно достал из кейса сигнальный экземпляр однотомника, готовящегося к выходу в «Художественной литературе». Что такое издаться в «Художественной литературе», знают

только писатели. Это высочайшая оценка труда писателя, и редко кто может похвалиться, что издавался там. Слава богу, хоть тут не закрыли ему дорогу, поступили с ним справедливо.

Может возникнуть вопрос, почему я столько лет молчал? Отвечу: чтобы затрагивать такие тонкие вопросы, касающиеся коллег, самому надо состояться в литературе, создать что-то стоящее. Вот вышел у меня в «Художественной литературе» большой однотомник тиражом 250 тысяч, и пришло время мемуаров. Сегодня воспоминания логично появились о моём друге Сергее Поликарпове, чей успех душили в колыбели, когда он только расправлял свои могучие крылья.

Отель «Амирандес», Крит

очерк

Писатель, редактор, художник...

С Ахатом Мушинским мы знакомы с прошлого века, когда он был автором и ведущим телевизионной программы «У зелёного камина». Программа эта пользовалась большой популярностью. В беседах у живого огня на протяжении десяти лет участвовало немало знаменитых и интересных людей. Наша встреча была приурочена к моему 60-летию, и Ахат Хаевич со своей съёмочной группой прибыл в Москву. Съёмка проводилась на моей квартире, которую я недавно купил, и, как исключение, без камина с огнём.

Тем не менее встреча получилась

тёплой, если не сказать, жаркой. Чувствовалось, что ведущий передачи к беседе подготовился основательно. В ту пору мои романы переиздавались гигантскими тиражами, и имя моё было широко известно. Собеседник оказался таким же общительным человеком, как и я сам. Он тоже писал прозу, и его имя было на слуху. Я вспомнил – его отец, основатель иллюзионного жанра Татарстана Хай-абый Мушинский и мама Рабига-апа, певица оперного театра, были заметными фигурами в татарской культуре. Такие европеизированные фамилии, как Ильская, Волжская, Болгарская,